

Как «утопить» опостылевшую действительность в омуте вымысла, как превратить её в воздушный фантом, который счастливо сдувается с «обеденного стола» жизни простым дуновением лёгкого ветра фантазий? Обо всём этом прекрасно знал не только приснопамятный «социалистический реализм» со всеми его извращениями - прекрасно знала об этом и русская классическая литература.

Рискнём заметить: наиболее известные и замечательные герои этой классической нашей литературы - обыкновенные призраки.

В действительности, в «яви» русской жизни их никогда не было, нет и не будет.

Ошибался, наивно ошибался романтик российского имперского консерватизма, Конст. Леонтьев, когда и пафосно, и забавно заявлял во всеуслышание, что нам, мол, верноподданным Императора, не такие графы нужны, как граф Толстой, а такие графы, как граф Вронский, которого, между прочим, придумал как раз «нежеланный» для России, в глазах Леонтьева, граф Толстой.

Леонтьеву совсем не приходило в голову, что без Толстого не было бы и Вронского, что без Толстого не существовал бы, наконец, и сам роман «Анна Каренина», и многое другое, что сумел гениально выдумать «ненужный» России граф Толстой.

И заметим, что подобное восприятие изящной словесности как некой квинтэссенции реальности для русского общества всегда было очень типично.

Славная наша писательница Тэффи, например, вспоминала, что была в юности влюблена в князя Болконского из толстовского «Войны и Мира». А не менее славный поэт Яков Полонский вспоминал и нечто ещё более удивительное: что был он в юношеские годы влюблен в Царь-девицу из сказки Ершова «Конёк-горбунок». То есть

воспринимать обыкновенную популярную детскую сказку как материальную реальность в России для пылкого молодого человека с умом и талантом - вовсе не проблема.

Это весьма примечательно на самом деле, что в нашей России традиционно подтверждался и подтверждается на все сто процентов следующий мудрый философский тезис: человек видит только то, что ему кажется, а кажется человеку только то, что он желает видеть.

Так, если тебе кажется, что ты счастлив - ты и счастлив, если тебе кажется, что у тебя горе - тебя горе непременно и охватывает. Причём, в чём это горе для тебя заключается даже неважно: ты «по полной программе» переживаешь своё горе, если веришь, что оно к тебе явилось. И, конечно, горя может и вовсе не случиться, если ты его переживать не хочешь.

Например, умирает близкий тебе (по родству или так просто - «близкий близостью душевной») человек - жалко, конечно, но ничего не поделаешь, судьба.., иногда даже находятся «плюсы» в случившемся - наследство, больше места в квартире, свобода... Но может умереть просто твой любимый кот или пёс или даже твои любимые рыбки в новом аквариуме - и ты страшно страдаешь и плачешь в подушку, если, конечно, вовремя настроишься на то, что, вот, пришло в твою жизнь нежданное большое горе.

Герои Чехова, в частности, горько страдали лишь от того, что вырубают их любимые деревья («Вишневый сад»), поскольку почему-то связали в своём сознании с судьбой этих деревьев свою собственную судьбу...

Так, в принципе, можно связать свою судьбу с чем угодно - с тем, что какой-то чёрный кот, например, вздумал перебежать тебе дорогу, с тем, что солнце скрылось за тучи, как только жена ушла в магазин и бросила тебя ради каких-то тряпок...

Человек, как принято говорить, творец... И потому, собственно, человек (в отличие от животных) в основном сам творит те состояния жизни, в которые попадает.

Это только кажется, что действительность существует независимо от нашего сознания - наше сознание само творит окружающую действительность так же, как наши «мозолистые руки», например, способны передвигать куда угодно возжеленную кровать в нашей спальне... В России это давно доказано самой «плотью жизни».

Одно время у нас считалось, что люди явно не равны друг другу, что каждому из людей - своё. Одни - сытые дворяне, другие - бедные крестьяне; одни - важные господа, другие - жалкие крепостные рабы. Объединяло этих людей только то, что все они поклонялись верховному «помазаннику Божию» т.е. Императору.

Потом такая жизнь перестала нравиться, и было твёрдо решено, что все равны. То есть «равнее всех», конечно, коммунисты (они всегда впереди), но и остальные, «прочие граждане» тоже равны, поскольку у них просто ничего нет и владеть им нечем, делить им нечего..

Наконец, надоело и это - скучно, не за что бороться, кроме бесплотного коммунизма, все люди братья, и нельзя толкнуть даже соседа, не говоря о начальниках...

И тогда было решено вернуть в мир борьбу и «рынок». Рынок быстро восторжествовал, и всё стало продаваться и покупаться, включая, естественно, любовь, совесть и саму жизнь.

Однако, такой «демократический правопорядок» импортированный с Дикого Запада с опозданием лет на двести, оказался слишком экзотическим.

И тогда прошли к мудрому компромиссу: продаётся, но - не всегда, равны, но - не все, воруют - только избранные. Однако, при этом все дружно, «соборно» верят в Бога. Больше всех верят большие начальники, затем по «степени веры во Всевышнего» идут крупные бизнесмены, затем начальники поменьше, бизнесмены помельче... и так до последнего пьяницы. Но и он - не без креста, хотя и с бутылкой вместо головы.

Такой «правопорядок» был быстро признан самым родным и «суверенным», что и было доведено до сведения граждан с помощью самых современных средств массовой информации.

Возникает только один «итоговый» вопрос: а чего мы, собственно, лет эдак сто с лишним так суетились? Отвергали, ниспровергали, снова устанавливали и опять с вожделением ломали до самого основания..., а чего во имя? Намного мудрее было бы: ломать - понемногу, отвергать - не всерьёз, принимать - полушутя. Так и жили бы в своё удовольствие в окружении тихой гармонии: и насилие нестрашное, и враньё не чрезмерное, и днём довольно светло, и ночью довольно темно, и зимы холодные есть, и лето тёплое бывает..., чем не «Божья Благодать»!

Однако, вернёмся к художественной литературе.

Александр Герцен в «Былом и думах», если называть вещи своими именами, ненавязчиво похвалялся, что он, мол, нашёл реальный «аналог» лермонтовскому Печорину - некоего Печерина, свободомыслящего юношу-студента, что-то пылко сочинявшего, сочинявшего, сочинявшего, а затем покинувшего Россию навсегда и ставшего где-то в Ирландии католическим монахом.

Герцен, по сути дела «из любви к искусству» (чтобы увидеть лично и потом красочно рассказать, как прав был юный гений Лермонтов, как в России «душно» человеку с умом и талантом) даже писал письма этому Печерину, встречался с ним... Но тогда уже фанатик-католик, который публично жёг протестантские Библии, Печерин этот всё же мало походил на лермонтовского Печерина, одинокого разочарованного во «всём и вся» скитальца. Прототипа, увы, так и не вышло... Да, и не могло выйти. Лермонтовский Печерин - персонаж насквозь выдуманный. Таких, как он, в реальной русской жизни не существовало.

Да, были, конечно, праздные дворяне, которые пресыщались жизнью даже раньше, чем в неё по-настоящему вступали и всё норовили попробовать, всё испытать, чтобы затем на всё и наплевать, «проигрывая в карты» и своих крепостных, и свою душу. Но их образы далеко не так красивы и загадочны, как образ Печерина из «Героя нашего времени».

И вообще эти «герои нашего времени» - Онегины, Печерины, Рудины, даже Обломовы - персонажи, прежде всего, сказочные. Это какие-то романтические рыцари без войска, рыцари «лишённые наследства» из средневековых легенд... Наряжены они их создателями, конечно, в «русском стиле», но по сути своей - они аляповато украшают российскую действительность, а не ярко отражают её, как доказывала традиционная русская критика во главе с Белинским.

Не хотели, традиционно не хотели в России признавать, что художественной литературой всецело правит вымысел, правит своевольная и прихотливая, а нередко необузданная, диковатая писательская фантазия.

Эта фантазия создаёт и создавала не реальных героев «русской жизни» (или, допустим, немецкой жизни, китайской жизни...), а только некие красивые, обольстительные или, наоборот, ужасные, отвратительные тени и призраки.

Однако, наивному читателю всегда кажется, что эти тени и призраки материально существуют, реально по жизни бродят - он в них верит, а писателей, творцов этих призраков, этого вымысла - обожествляет. И всё это - совершенно зря!

Никаким самоучителем по жизни, никакой открывательницей истин художественная литература не является. Фактически литература находится в тягостном рабстве у произвола безудержной фантазии и жить без «вывертов» и «гримас» этой фантазии просто не может.

Чему, если быть до конца откровенными, научили нас Толстой и Достоевский? Да, ничему не научили, живём, как и жили, скорее даже ещё суетливее, мелочнее и пошлее, чем в прежние эпохи! А что эти наши национальные гении проповедовали? В сущности, только общеизвестное: смирение, нестяжательство, веру в добро и красоту. Не будь их романы и иные творения сладостным художественным вымыслом, никто и не стал бы их особенно долго и всерьёз слушать - прописные истины, как известно, быстро надоедают.

Так называемая жизненная мудрость русской классической литературы и её так называемая философская глубина в весьма значительной степени - обыкновенные мыльные пузыри, готовые лопнуть от любой серьёзной критики в любой момент.

Мы не шутим. Наша классическая литература - преимущественно литература «больших идей». И мы убеждены, что при всех возможных исключениях и оговорках, во многом, очень во многом был прав Владимир Набоков, не воспринимавший всерьёз «идейность» большой литературы и «литературу больших идей», ядовито посмеивавшийся над Достоевским, Горьким, Томасом Манном.

Однако, сам-то Набоков в конце концов со всей своей верой в безидейное «чистое искусство» к чему пришел? - К своей «Лолите», к апофеозу больного сознания, лелеющего и смакующего свои извращения как «самое дорогое» в реальной жизни, среди её, якобы, всепожирающей пошлости. Этим и прославился, как известно, на весь мир.

И этим, в сущности, Набоков славен в современном мире и до сих пор, поскольку «Лолита» его, как бы то ни было, есть действительно лучшее, наиболее художественно впечатляющее и убедительное из всего, что Набоков написал.

Но признаемся себе честно: такая слава, увы, не самой высокой пробы, что-то родственное «славе» маркиза Де-Сада...

Кстати, эта набоковская девочка, Лолита - тоже призрак, своего рода сладостное эротическое привидение, посещавшее набоковские писательские грёзы, а отнюдь не сколько-нибудь реалистический персонаж. Можно сказать, она слишком соблазнительно прекрасна, чтобы существовать на самом деле.

Девочки возраста набоковской Лолиты, конечно, были, есть и будут, но они - не феи, а ещё достаточно глупые дети, и для того, чтобы наделять их даже в своих фантазиях чертами «фей любви», надо, увы, перечеркнуть в себе весь здравый смысл, а попросту говоря, в достаточной степени «рехнуться».

Так что ещё неизвестно, кто в конечном счёте более был «не в себе», - утончённо-изошрённо-извращённо и бездонно похотливый Набоков или «жестокий талант» Достоевский, который своих героев с христианской любовью мучил и мучил, мучил и мучил, мучил и мучил...

Достоевский проповедовал духовно светлые «большие идеи», но его сознание было вместе с тем не чуждо извращённого мучительства. Набоков эстетски отрицал любые «большие идеи» в литературе во имя «чистой красоты», но и его сознание было не чуждо извращённого сладострастия, чреватого похотливо наглой эксплуатацией «детской плоти» и тем самым всё тем же мучительством...

Кричащие литературные противоположности сошлись в парадоксальном «поцелуе», равно свидетельствуя об одном - в так называемой большой литературе очень часто торжествуют искусно воплощённые в художественное слово болезненные «вывихи» сознания и фантазий, принимаемые за откровения и художественные прозрения, тогда как оценивать их должна по большей части психиатрия.

Художественная литература - точка преломления безудержных фантазий, неуёмного лицедейства (актёрского подражания жизни во всех её видах и формах) и торжествующего алогизма, «выворачивающего наизнанку» весь здравый смысл, который в жизни содержится. И это - художественная литература, «изящная словесность» в своих лучших, на века запоминающихся проявлениях и достижениях, таких, например, как творчество Гоголя, Кафки, Джойса, того же Набокова.

Что же говорить о литературе «второго эшелона» и «второго сорта»... Это нередко и даже чаще всего просто «мрак и бред», где каждый «творец» изгаляется в своих диковатых фантазиях, как только может, что, надо сказать, и нравится массовому читателю, который и ищет в «читательной» художественной литературе только способное поразить, ошеломить, озадачить (как «щелчок по лбу» среди бела дня), ищет, говоря по старинке, «эдакое», чтобы потом глубокомысленно, важно заявить: «вона оно как закрутил-то, господин сочинитель, чудно».

Новую жизнь, настоящую, материальную, из крови и плоти художественная литература (и классическая, и, тем более, не классическая, с историческим предназначением - «в макулатуру нашего времени»), естественно, не создаёт (из слов реальность не создаётся!), а жизнь старую, уже существующую - не копирует и, если «краюшком» всё же отображает порой, то, в сущности, так же «точно», как издевательская галерея кривых зеркал в парке культуры и отдыха...

Так что же всё-таки литература тогда так неустанно творит? - Ответ очевиден как ясный день: только тени и призраки, «бродячий» вымысел, способный закружить голову, замутить воду, одурманить, ошеломить и околпачить.

В этом смысле и в этом «контексте» лучший и наиболее убедительный в своей роли литературный герой в нашей, ставшей классикой, литературе - булгаковский Воланд со своей славной свитой «кудесников», берущий на себя роль мага и демиурга, а, в сущности, весь состоящий из упоительной «дьявольщины», которую обиженный советской властью и необычайно талантливый писатель Михаил Булгаков с наслаждением выпустил «на волю», в жизнь, чтобы сполна отомстила она и его жестокой к талантам эпохе, и его недругам, и его более удачливым и пронирыливым коллегам

по «писательскому цеху» за ту вакханалию привилегий и удовольствий, которую они себе посреди советской бедности и бытовой неустроенности благополучно «урвали»...

В одном из последних своих записанных интервью, уже незадолго до смерти, Борис Стругацкий заметил, некоторым образом комментируя явления нашей классической литературы, что в писателе должен быть необычайно развит актёрский талант. Это очень верно. Писатель постоянно искусно мимикрирует в своём творчестве, как бы гримасничает и гримасничает, создавая «рожицы» (образы) своих героев, как создавал их, в частности, Гоголь...

И не случайно эти гоголевские «хари», - эти Ноздрёвы, Собакевичи, Городничие и прочая «нечисть», - так живучи, так легко, как привидения, «перескакивают» или «переползают» из эпохи в эпоху, что пронизательный, зоркий на «нечисть» Бердяев более чем полвека спустя после появления этих гоголевских «харь» на «Свет Божий» назвал их с ненавистью и злостью мерзкими «духами русской революции» (революции 1917 года), о которой эти гоголевские «хари» на самом деле, сидя в своих поместьях и чиновничьих креслах в середине XIX века, и знать не могли, и ведать не ведали...

И прав, увы, прав был Бердяев! Призраки тем и отличаются от живых людей, что они - бессмертны. Стареть призраки просто неспособны, они только перевоплощаются и перевоплощаются... без усталости и без конца. И видят эти призрачные, бесовские «хари» наши выдающиеся Гоголи и Гофманы, Кафки и Набоковы... и отображают, отображают..., смакуют и раскрашивают. И рождаются тогда в литературе не только глупые, пошлые и старые Коробочки, но и юные, нежные и сладостные Лолиты..., и бредят ими наши славные писатели, лелея «бесовщину» в самих себе.

Вы спросите: а как же наша «здоровая и честная» литература, где же наш «Буревестник» и наш человек, который «звучит гордо»? Как где? - Известно где: в мусорной яме жизни и истории, большевикам, знаете ли, продались с потрохами... А где же князь Андрей Болконский? Где Пьер? - Опять же, известное дело: в эмиграции с 1917 года, англичанами давно стали, то ли лордами, то ли лейбористами... А кто же остался-то, где наши нынешние герои? - В который раз приходится повторять: известно где - в животном мире. Вы почитайте Пелевина - «Жизнь насекомых». Хороший писатель, правдивый и такой весь из себя отечественный, суверенный. Второй Платонов. Вместо «Котлована» у него «Чапаев и пустота» написана. Славная книга, весёлая.

На этом позвольте закончить нашу статью, поскольку место для таких статей как наша в нынешних журналах строго ограничено - квота, знаете ли, новые правила, минкульт и минюст распорядились, «18+», забота о несовершеннолетних, борьба с гомосексуализмом в массах..., да, и вообще - жизнь у нас и без литературных привидений и призраков полна чудес.